

Мария Конопницкая
О Гномах и сиротке
Марысе

иллюстрации
Алисия Кочурек

книги
Вилли
Винки

Новые старые сказки

Мария Конопницкая

О гномах и сиротке Марысе

«Издательство АСТ»

1954

УДК 821.162.1-93
ББК 84(4Пол)-44

Конопницкая М.

О гномах и сиротке Марысе / М. Конопницкая — «Издательство АСТ», 1954 — (Новые старые сказки)

Сказочная повесть, написанная известной польской писательницей XIX века Марией Конопницкой, о гномах, которые помогают только тем из людей, кто им нравится, а над другими могут и подшутить. Так сиротка Марыся, потерявшая своих гусей, получает помощь от маленьких волшебников, сама того не подозревая... Для младшего школьного возраста.

УДК 821.162.1-93
ББК 84(4Пол)-44

© Конопницкая М., 1954
© Издательство АСТ, 1954

Содержание

Глава первая	11
Глава вторая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Мария Конопницкая

О гномах и сиротке Марысе

© Подольская Н., насл., перевод, 2021

© Издательство АСТ, 2021

* * *

Правда это или байка –
Так суди иль по-иному,
Верь, не верь, а всё ж узнай-ка:
Есть народец малый – гномы.

Как ему не подивиться!
Невелик росточком вышел –
Войско в тыкве уместится:
Каждый семечка повыше.

Где ж они? А на пригорке,
И под камнем, и в чулане,
В каждой ямке, в каждой норке –
Вот спроси у старой няни!

И в запечке, и под печкой,
В узкой щёлке половицы –
Уж найдёт себе местечко,
Всюду может поместиться!

Глядь – готовит за кухарку,
Сахарку слизнул немножко,
С сковородки стянет шкварку,
Под столом подымет крошку...

Щёлкнул кнут в конюшне глухо –
Знать, коню сплетает гриву...
Шепчет сказку детям в ухо...
Ну и чудо! Ну и диво!

Знают выходы и входы,
Все увёртки, все уловки!

Нет проворнее народа –
Ну и прятки, ну и ловки!

Так суди иль по-иному,
Верь, не верь, вини в обмане –
Только есть на свете гномы!
Вот спроси у старой няни!

Maria Konopnicka 1911

Глава первая

Как придворный летописец короля Светлячка узнавал, когда придёт весна

I

Зима была такая долгая и студёная, что его величество Светлячок, король гномов, примерз к своему трону. С его седой бороды, посеребрённой инеем, свисали сосульки, обледенелые брови сердито и грозно топорщились. Замёрзшие капли росы жемчужинами сверкали на короне, а пар от дыхания изморозью оседал на ледяных стенках Грота. Королевские подданные, проворные гномики, надвинули на самый нос свои длинные колпачки и плотно закутались в красные плащи. А некоторые сделали себе шубы и кафтаны из бурого и зелёного мха, собранного в лесу ещё осенью, из трута, шишек, беличьего пуха и пёрышек, что обронили птички, улетаая за синее море.

Но королю не годится одеваться как попало. Он и зимой, и летом носил пурпурную мантию. С незапамятных времён служила она королям гномов и уже порядком поистерлась и прохудилась – ветер продувал её насквозь. Но, будь эта мантия даже новой, она ничуть бы не грела – сотканная из паутинок, которые весной протягивают по пашне красные паучки, она была не толще макового лепестка.

Вот и дрожал королишка в своей мантии, зуб на зуб не попадал, и всё дышал на руки: они до того окоченели, что еле удерживали скипетр. В ледяном дворце огня ведь не разведёшь. А не то и пол, и стены потрескаются. Оставалось согреться сиянием золота и серебра, лучистым пламенем бриллиантов, крупных, с яйцо жаворонка, переливами солнца в хрустальных стенах тронного зала да сверканием длинных мечей, которыми размахивали храбрые гномы, чтобы удаль свою показать, а заодно и разогреться. Но тепла от всего этого было мало, и бедный старый король только лязгал немногими уцелевшими зубами, с нетерпением поджидая весны.

– Сморчок, мой верный слуга! – позвал он одного из придворных. – Выгляни-ка наружу, не идёт ли весна?

Но Сморчок ответил смиренно:

– Государь мой и повелитель! Не время мне вылезать из-под земли, пока не зазеленела крапива под плетнями. А до той поры ещё далеко!

Кивнул король головой и позвал другого придворного:

– Синичка, может, ты выглянешь?

Но Синичке тоже неохота было нос высовывать.

– Государь мой и повелитель! – ответил тот. – Моё время придёт, когда защебечет трясогузка. А до той поры ещё далеко!

Помолчал король; но, видно, холод пробирал его не на шутку, и он опять сказал:

– Букашка, мой верный слуга, хоть ты выгляни!

Но и Букашке не хотелось вылезать на мороз.

– Государь наш и повелитель! – с поклоном ответил он. – Моё время придёт, когда мушка проснётся под прошлогодним листом. А до той поры ещё далеко!

Опустил король бороду на грудь и вздохнул, да так тяжело, что в Гроте поднялась метель и ничего не стало видно.

Прошла неделя, прошла другая, и вот в одно прекрасное утро сделалось светло-светло. Закапало с сосулк на королевской бороде, подтаял снег на королевских волосах, расправились смёрзшиеся брови, и по усам, словно слезинки, покатались капли.

На стенах тоже начал таять иней, а лёд трескался с таким грохотом, будто Висла вскрывалась. Стало так сыро, что король и все придворные принялись оглушительно чихать – словно пушки запалили.

И то сказать – носы у гномов знатные!

Сами-то они народец мелковатый: увидит гномик крестьянский сапог, остановится, разинет рот и дивится, думает – башня. Забредёт в курятник и спрашивает: «Это что за город такой и далеко ли до заставы?» В пивную кружку свалится – и ну верещать: «Спасите! В колодец упал!»

Вот какая мелюзга!

Зато носы у них что надо. Такие бы носищи любителям табачок понюхать! Как расчихались да начали друг дружке и королю здоровья желать – земля задрожала.

На ту пору крестьянин в лес по дрова ехал. Услыхал, как гномы чихают, и говорит:

– Ого! Гром гремит! Значит, весна зиму поборолла!

Подумал, что это весенний гром, и немедля повернул к корчме: чего зря деньги на дрова переводить. Так и просидел там до вечера – всё рассчитывал да прикидывал, как бы с работой управиться вовремя.

Меж тем и вправду потеплело. К полудню у всех гномов оттаяли усы. Начали они совещаться, кого послать посмотреть, пришла ли весна. Судили, рядили, наконец король Светлячок стукнул об пол своим золотым скипетром и молвил:

– Пусть наш учёный летописец Чудило-Мудрило пойдёт и проверит, пришла ли весна.

– Вот мудрое королевское слово! – наперебой закричали гномы и уставились на учёного по имени Чудило-Мудрило.

А тот сидел, как всегда, над огромной книгой, в которую записывал историю королевства гномов с древнейших времён: откуда они ведут свой род, какие у них были короли, с кем они воевали и кого победили. Он описывал без прикрас всё, что видел и слышал, а чего не видел, сам придумывал, да так складно, что заслушаешься, как начнёт читать. Это он первый доказал, что гномы, хоть ростом с вершок, на самом деле – великаны. Просто они съжились, чтобы сукна выходило поменьше на плащи да кафтаны: больно уж нынче всё дорого.

Гномы очень гордились своим летописцем. Попадутся им цветы – тут же сплетут венки и возложат ему на макушку. Последние волосы этими венками повеятерли, и голова у него стала голая, как колено.

II

Вот стал Чудило-Мудрило собираться в дорогу. Запасся целой бутылкой чёрных-пречёрных чернил, очинил большое гусиное перо и вскинул его на плечо, как ружьё, чтоб нести легче было. Потом привязал книги за спину, подпоясался ремешком, надел колпак, сапоги, закурил свою длинную трубку – вот и в путь готов.

Друзья сердечно простились с учёным летописцем. Кто знает, не приключится ли с ним беды и доведётся ли ещё увидеться?

Сам король хотел обнять его на прощание – очень уж он ценил своего летописца за учёность, – да не тут-то было: мантия накрепко примёрзла к трону, и его величество никак не мог приподняться. Тогда король Светлячок простёр свой золотой скипетр над учёным мужем. Тот приложился к его руке, и несколько замёрзших слезинок прозрачными жемчужинами скатились из королевских очей, зазвенев на хрустальном полу. Королевский казначей Грошик подобрал их, положил в драгоценный ларчик и отнёс в сокровищницу.

Целый день карабкался наш учёный, прежде чем выбрался на поверхность земли. Дорога, вся в узловатых корневищах вековых дубов, круто поднималась в гору. Гравий, камни, обломки скал с глухим шумом осыпались из-под ног в пропасть. Замёрзшие водопады блестели, как ледяные зеркала, и учёный путешественник скользил по льду, с трудом подвигаясь вперёд. В довершение всех бед он не взял с собой никакой еды. Силёнок хватило только книги тащить, да большую чернильницу, да большое перо. И совсем бы выбился из сил Чудило-Мудрило, не попадись ему по дороге домик одного хомяка, запасливого и богатого.

Кладовая у хомяка ломилась от зерна и орехов. Он накормил голодного странника и даже позволил ему отдохнуть на сене, которым был устлан пол, но с условием, что тот никому в деревне не проболтается про его жильё.

– Там такие сорванцы! Пронюхают, где моя нора, – прощай, спокойная жизнь!

Приободрясь и подкрепившись, Чудило-Мудрило поблагодарил гостеприимного хомяка и пустился в путь. Шагал он теперь легко и весело, поглядывая из-под тёмного колпака на крестьянские поля, на луга и рощи. Зелень изо всех сил тянулась вверх; в низинах пробивалась молодая травка, над разлившимся ручьём краснели ветви ивняка, а высоко-высоко в туманном небе курлыкали журавли.

Любой другой гном сообразил бы по этим приметам, что весна не за горами. Но наш учёный просидел всю жизнь, уткнувшись в книги, и, кроме них, ничего на свете не знал и не видел. И всё-таки даже у него стало легко и радостно на душе, и, размахивая своим большим пером, он запел старинную песенку:

*Прочь, прочь, прочь беги, грусть, тоска и хворь!
Ну-ка, трубку разожги да бутылку раскупорь!..*

Но не успел пропеть и куплета, как услышал чирикание воробьёв на плетне, огораживающем поле, и сразу замолчал, чтобы не уподобляться этому сброду. Нахмутив лоб, с важным видом прошествовал мимо – пусть знает эта гольтьба, что учёный им не товарищ. Вот уж и деревня показалась. Свернув на тропинку, наш путник под прикрытием прошлогодних сорняков незаметно подобрался к первой хате.

Деревня была большая. Вся в садах, черневших голыми деревьями, она широко раскинулась среди полей, упираясь одним концом в тёмную стену густого соснового леса. Из труб свежевыбеленных ладных хаток поднимался сизый дым; во дворах скрипели колодезные журавли, батраки поили лошадей и мычащих коров; по дороге, обсаженной тополями, с криком носились стайки ребятишек, игравших в прятки и салочки.

Но весь этот гомон перекрывали удары молота и лязг железа, доносившиеся из кузницы, возле которой причитала толпа крестьянок. Увидев их, Чудило-Мудрило осторожно прокрался вдоль забора и, притаившись за терновым кустом, стал слушать.

– Ах, злодейка! Ах, разбойница! – кипятилась одна. – Ну разве уберёжешь теперь от неё кур, коли она к самому кузнецу не побоялась забраться!

– Да что все твои куры против этой! Не курица, а золото! – перебила другая. – Каждый день яйца несла с кулак! Другой такой во всей деревне не сыщешь!

– А у меня кто петуха задушил? Не её разве проделки? – жаловалась третья. – Как увидела я пёрышки разбросанные, так и обмерла. Да у меня его за пять злотых с руками бы оторвали – ещё грошей пятнадцать прибавили бы.

– Вот пролаза! Вот злодейка! Эдакую дыру в курятнике проделала! – подхватила первая. – Да тут когтищи железные нужны. Мужик лопатой и то лучше не выроет. Неужто управы нет на неё, разбойницу?

Тут из лачуги без зипуна выскочила кузнечиха, остановилась на пороге, поднесла фартук к глазам и заголосила:

– Ах ты пеструшечка моя милая! Пеструшечка златопёрая! И что я без тебя, сиротиночка, делать стану!

Недоумевая, слушал учёный летописец этот плач. Он прикладывал руку то к одному уху, то к другому, но никак не мог взять в толк, о чём тужат женщины. Вдруг он стукнул себя по лбу, уселся среди сорняков под забором, откупорил чернильницу, обмакнул перо, стряхнул его и, раскрыв огромную книгу, записал: «На второй день странствия пришёл я в несчастную страну, на которую совершили набег татары и перебили, передушили или угнали в полон всех кур и петухов. Кузнец ковал мечи для похода, а перед кузницей раздавались плач и стенания».

Не успел он кончить, как на пороге появился кузнец и рывкнул басом:

– Слезами горю не поможешь! Горшок с жаром надо взять да выкурить злодейку из норы! Кто же не знает лисьей норы на опушке! Выкурить её оттуда или нору раскопать. Живей, Ясек! Собирайся, Стах! Кликните ребят, берите лопаты, и айда. А ты, мать, чем слёзы лить, лучше бы горшок углей приготовила. Я бы и сам пошёл, да работа срочная!..

Сказал – и воротился в кузницу, и оттуда снова послышался звон железа. А двое подмастерьев, бросив раздувать мехи, помчались по улице с криком:

– На лису! На лису!

Женщины тоже разошлись по домам – снарядиться в поход. Тут летописец, внимательно следивший за событиями, снова обмакнул перо в чернильницу и записал: «Возглавляет орду хитрый и неустрашимый хан по прозвищу Лиса. Татары скрываются в лесных пещерах, а местное население выкуривает их оттуда пороховым дымом».

Едва успел он поставить точку, как до слуха его донёсся оглушительный шум. Глядь – по деревенской улице валит толпа женщин, детей, подростков с лопатами, палками и горшками, а за ними с яростным лаем мчатся Шарики, Жучки и Барбосы.

Ещё раз обмакнул перо Чудило-Мудрило и сделал такую запись: «В этой стране с татарами сражаются не мужчины, а женщины, дети и безусые отроки. Войско с криками и шумом мчится по деревне, а за ним несётся целая свора псов, яростным лаем возбуждая в воинах отвагу. Всё это видел я собственными глазами и собственноручной подписью удостоверяю».

Учёный гном склонил голову набок, прищурил левый глаз и расписался внизу страницы: «Придворный Историк Его Величества Короля Светлячка Чудило-Мудрило», изобразив в конце замысловатую закорючку. Вдруг откуда-то из-за забора пахнуло можжевелевым дымком, а гномы очень любят этот запах.

Чудило-Мудрило потянул своим носищем раз, другой, потом раздвинул сухие стебли и стал озираться: где горит? На опушке леса заметил он синюю струйку дыма, а протерев хорошенько очки, увидел костёр, а вокруг него – пастушат.

Добрый старичок очень любил детей. И вот напрямик через пашню, смешно перескакивая через борозды, направился он на дымок. Пастушата очень удивились, увидев маленького человечка в плаще, в колпаке, с книгой под мышкой, с чернильницей на поясе и пером на плече. Юзек подтолкнул Стаха и шепнул, показывая пальцем:

– Гномик!

А Чудило-Мудрило, который подошёл уже совсем близко, кивнул им и улыбнулся приветливо. Ребята смотрели на него разинув рот, как зачарованные. Они не то чтобы испугались, а просто онемели от неожиданности. Бояться тут нечего – ведь даже малые дети знают, что гномы никому не делают зла, а бедным сиротам ещё и помогают.

Стах вспомнил, как позапрошлой весной вот такой же малюсенький человечек помог ему найти и пригнать на пастбище убежавших в лес телят. А на прощание насыпал полную шапку земляники, погладил по голове и сказал: «На вот тебе, не бойся!»

Подойдя к костру, учёный летописец вынул трубочку изо рта и сказал вежливо:

– Здравствуйте, дети!

– Здравствуй, гномик, – серьёзно ответили пастушата.

А девочки, вытаращив на пришельца голубые глазёнки, съёжились, натянули на лбы платочки – только носы выглядывают, как пуговики.

Чудило-Мудрило, улыбаясь, посмотрел на них и спросил:

– Можно мне у костра погреться? Холодно что-то!

– Почему ж нельзя? – рассудительно ответил Ясек.

– Места не жалко! – прибавил Стах.

– Присаживайтесь! Гостем будете! – сказал Юзек, подбирая полы своего серого зипуна и освобождая местечко у огня.

– Картошка испечётся – и поесть можете, коли захотите, – радушно предложил Куба.

– Конечно, кушайте на здоровье! Картошка почти готова, по запаху слышно!

Учёный летописец уселся у костра и, ласково глядя на раздумывавшиеся лица, сказал растроганно:

– Милые вы мои детки! Чем же я вам отплачу?

Только он сказал это, как Зоська, заслонясь рукавом, выпалила:

– Расскажите нам сказку!

– Ну её, сказку! Быль интересней сказки! – с важностью сказал Стах.

– Конечно, интересней, – согласился гном. – Разве сказка может с правдой сравниться?

– Ну, коли так, – весело воскликнул Юзек, – расскажите, откуда взялись гномы!

– Откуда взялись? – повторил учёный муж и уже открыл было рот, готовясь начать рассказ, как вдруг с громким треском начала лопаться картошка.

Дети кинулись выгребать её палками из золы и углей. Неожиданный треск не на шутку напугал учёного. Отскочив в сторону, он спрятался за камень и из этого укрытия стал наблюдать, как дети едят какие-то круглые дымящиеся ядра: таких ему никогда прежде не доводилось видеть.

Раскрыв книгу, он положил её на камень и написал дрожащей рукой: «Народ в этой стране столь воинствен и отважен, что малые дети прямо в горячей золе пекут шрапнель, которая потом рвётся с грохотом, подобным громовым раскатам. Тогда мальчики, с колыбели презирающие смерть, и даже слабые девочки выгребают эту оглушительно рвущуюся шрапнель и ещё дымящейся отправляют в рот. Будучи свидетелем этой геройской отваги, не мог ей надивиться, а посему записываю в назидание потомству. Дано в поле, на пашне, вскоре после полудня».

Затем следовала подпись с завитушкой, ещё более замысловатой, чем в первый раз. Но печёная картошка пахла так вкусно, что у нашего учёного потекли слюнки и в животе заурчало. Видя, что «шрапнель» не причиняет детям ни малейшего вреда и они знай себе уплетают да похваливают, он вылез из своего укрытия и осторожно приблизился к костру.

Зоська отломил кусочек картошки и, нацепив на палочку, протянула ему попробовать. Не без опаски взял он его в рот, но, распробовав, протянул руку за новым. Девочки разламывали самые пропечённые картофелины и давали ему по крошечке. Под конец они так осмелели, что последнюю Кася сунула ему прямо в рот. Все девочки запищали от восторга, а громче всех сама Кася.

III

Подкрепившись, Чудило-Мудрило опять подсел к костру, а когда пастушата подложили хвороста в огонь и сухие ветки весело затрещали, рассыпая искры, начал свой рассказ:

– В прежние времена не гномами нас называли, а боженятами, и мы не ютились под землёй, в скалистых пещерах, под корнями старых деревьев, как сейчас, а жили в хатах по деревням, вместе с людьми. Только давно это было. Тогда княжил над теми местами Лех, который основал город Гнезно. Он увидел там гнездовья птиц и сказал себе: «Раз птицы нашли себе здесь пристанище, значит, это край покойный и благодатный». Так и оказалось. О птицах тех молва гласит, будто это были орлы; но в наших старинных книгах написано, что аисты; они гнездились там и бродили в лугах. Так или иначе, край этот стал называться Лехией, по имени князя Леха, а народ, заселивший те земли, называл себя лехитами. Соседи же прозвали их полянами, потому что они пахали поля и сеяли хлеб. Всё это записано в наших летописях и скреплено печатью.

– А лесов тогда совсем не было? – тоненьким голоском перебил Юзек. – И речки тоже? Только всё поля да поля?

– Что ты! – ответил Чудило-Мудрило. – Ещё какие леса были! Не то что теперь – дремучие, без конца без краю. И водились в них звери, свирепые, огромные. Как станут реветь –

деревца пополам переламываются. Но мы, гномы, всё только с медведями сталкивались. Прадедушка моего прадедушки рассказывал мне такой случай. Раз медведь выбирал мёд из липового дупла да вместе с мёдом и пчёлами вытащил и его. Взял к себе в берлогу и заставил день и ночь сказки сказывать. А сам лежит, подрёмывает да лапу посасывает. Только когда морозы ударили и медведь заснул крепко, сбежал от него прадедушка моего прадедушки. Семь лет странствовал, пока к своим воротился.

Дети смеялись, а Чудило-Мудрило продолжал:

– Да, славное было времечко!.. Над полями, ручьями шумели липовые рощи. В рощах древний бог Световит жил и на три стороны света поглядывал – землю сторожил. Гномики – их за малый рост ещё карликами называли – стерегли хаты, крестьянское добро, скотину. «Нет дома без гнома», – говаривал в старину народ. Жилось нам хорошо, весело, во всём мы помогали хозяевам: овёс проведем, золотое зерно лошадям зададим, сечки нарубим, подстилку перетряхнем, кур на насест загоним, чтобы яйца не оставили в крапиве, масло собьём, сыров наделаем, детей укачаем, пряжу смотаем, огонь раздуем, чтобы каша быстрее варилась. И по дому, и в хлеву – никакой работой не гнушались. Но трудились мы не задаром. Не хозяин, так хозяйка никогда не забудет оставить для нас хлебных да творожных крошек на лавке в горнице, а в кувшине – медку или хоть молочка на доньшке. Голоду не знали. Пойдёт, бывало, хозяйка огород полоть или в поле жать, в дверях обернётся, возьмёт горсть проса из кадки, бросит на пол и скажет:

*Гномики, гномы,
За детьми, за домом
Приглядите, присмотрите!
А вот просо вам... Берите!*

И уйдёт со спокойным сердцем. А мы – прыг, прыг из запечка, из-под лавки, из-за расписного сундука, и за работу! Сказки сказываем ребятишкам, лошадок им мастерим, девочкам косички заплетём, кукол тряпочных поделаем. Протрём оконца, солнышко в хату впустим – по всем уголкам свет разнесём: так всё и засверкает! Работы, правда, много, зато благодарности от людей ещё больше. Ни один праздник без нас не обходился.

*Гномики, гномы,
На пир вас зовём мы!
На остатки пирога,
На олени рога,
На жаркое из печи
Да на белы калачи! –*

приглашали нас хозяева.

За стол мы, конечно, не лезли – наш брат, хоть и мал ростом, вести себя умеет. Зато как заиграем на гусельках, сперва один, за ним другой, третий, десятый – целый оркестр соберётся под окном или под половицей, – народ слушает не наслушается: так весело, легко станет на душе от нашей музыки! Эх, где те времена? Ушли безвозвратно.

IV

Чудило-Мудрило замолчал, посасывая свою трубочку, а ребятишки сидели, притихнув и не сводя с него глаз. Немного погодя он начал снова:

– Не знаю уж, долго ли так продолжалось: в наших книгах об этом не сказано. Только стали времена к худшему меняться. Род Лехов, что справедливо страной правил, прекратился, а новые князья всё грызлись между собой, ведь княжило-то их чуть ли не двенадцать сразу. Наконец надоели народу их распри, и прогнал он прочь всех этих драчунов, а себе опять выбрал одного правителя. Мир настал в стране, но солнышко, едва проглянув, снова спряталось за тучу.

Прожорливой саранчой налетели на лехитские земли полчища немцев: их князь задумал сесть королём над нами и взять себе в жёны нашу королеву. Я говорю «нашу», потому что в давние времена все вместе держались – и люди, и гномы – и жили дружно, как братья. Но королева не хотела идти за него.

– Знаю, знаю! – пропищала Кася. – Это была королева Ванда.

– И я знаю! – ещё тоньше запищала Зося.

И обе, спеша и перебывая друг друга, запели:

*В земле нашей покоится Ванда,
Что замуж не шла за немца...*

Чудило-Мудрило закивал головой и сказал с улыбкой:

– Верно, верно, не захотела!.. Знаю и я эту песенку! Она в наших книгах записана. Ведь это мы, гномы, с незапамятных времён учим деревенскую детвору петь её. Да, да!.. Я и сам не меньше ста ребятшек научил. А вас кто выучил!

– Не знаем.

– Ну, значит, я. Вот иногда кажется, будто ветер напевает и нашёптывает какие-то слова...

– Правда! – серьёзно сказали мальчики.

– А на самом деле это мы, гномы, шепчем и поём! Мы – маленькие; спрячемся во ржи, в траве, среди листьев или под камень залезем – нас и не видно. Ну, вот... Отказалась королева идти за немца, и началась война. Налетели стаи воронов, волки завыли, небо чёрными тучами заволокло. Начался голод: ведь и хлеб, и сыр – всё шло воинам, сражавшимся с немцами. Обнищала страна, обнищали и мы. И королева Ванда измучилась, видя, как из-за неё бедствует народ. Бросилась она в Вислу и утонула. Тут немцы ушли восвояси, и наступил мир. Но прежние времена уж не вернулись. Сильный обижал слабого, брат шёл на брата, алчный сиротскую полоску норовил оттягать и припахать к своему полю. А где неправда да слёзы, не может быть счастья. И стал править страной злой король Пбпель.

– Батюшки! – запищала Кася. – Попель!

– Ты что? Никогда не слыхала? – одёрнул её Стах. – Его ещё мыши съели.

– Ага! – поддакнул Юзек.

Чудило-Мудрило, затянувшись трубочкой, продолжал:

– Про мышей этих разные толки ходят. Одни говорят одно, другие – другое. Времена-то давние, поди разберись теперь, как оно на самом деле было. В наших книгах написано, что это не мыши были, а гномы в мышиных шубках, – тогда ведь зима стояла. Мочи не стало смотреть, как Попель свирепствует, вот они и высыпали из нор всем скопом, накинулись на него и растерзали. Так в наших книгах написано. Правда это или нет – трудно теперь сказать. Прапрадедушка говорил мне, что сам видел, пока ещё не ослеп от старости, это страшное озеро и башню, где всё случилось. Башня до сих пор называется Мышиной, а озеро – Гопло. Так-то вот!

Тут у него погасла трубочка. Он разгрёб золу, нашёл уголёк, потянул несколько раз, выпустил клуб дыма и снова заговорил:

– С этими древними книгами тоже беда. Или нескольких страниц не хватает, или выцвели и пожелтели так, что слова не разберёшь, или чёрное пятно во всю страницу. Не очень-то и прочтёшь, что написал кто-то много веков назад. Но зато сразу можно понять, хорошие были времена или плохие. Если хорошие – от страниц, самых ветхих, такое сияние идёт, словно солнышко выглянуло. А плохие – потемнеет всё, точно ночь настала, и ни луны, ни звёздочки... Вот какие у нас, у гномов, летописи!

V

Хотите узнать, что было дальше? – спросил Чудило-Мудрило, раскурив трубку.

– Хотим, хотим! – запищали девочки.

– Ну так слушайте. После страшных страниц о Попеле – их откроешь, и тьма сразу кругом, – идут ясные, светлые про Пяста. О нём я хоть целый час рассказывать готов.

У Юзека глаза загорелись.

– Расскажи, гномик, пожалуйста!

– Расскажи, расскажи нам всё! – наперебой закричали дети.

Чудило-Мудрило сдвинул колпак, почесал в затылке и начал рассказ:

– Сам-то я этого не видел, меня тогда ещё на свете не было. Но старичку гному, который записал эту историю, рассказал её старый дуб, а он хорошо помнил те времена. Голос у дуба был уже слабый от старости, но только он зашелестит, в лесу сразу тихо-тихо делается – слышно, как муха пролетит. Сосны, ели, буки, грабы, берёзы, даже трава, мхи и папоротники слушают затаив дыхание – ни один стебелёк не дрогнет, ни один листок не шелохнётся. А старый дуб шелестит себе потихоньку, ведя неторопливый рассказ про времена своей молодости.

И вот этот гном – а он в ту пору ещё мальчонкой был, ростом с синичку, – придёт к своему знакомому грибу в гости, сядет под шляпку и слушает. Он слово в слово запомнил рассказ старого дуба и потом записал в книгу.

А дело было так.

Рос этот дуб, тогда ещё молодой дубок, в тихой дубраве, а неподалёку, в тени лип, вокруг которых гудели пчёлы, стояла избушка из белых лиственничных брёвен. В избушке жили трое: Пяст, Репиха и сынок их, по прозванию Землян. Прозвали его так за любовь к родной земле – как выйдет, бывало, на порог, непременно скажет: «Здравствуй, земля родная!»

Жили у них в избушке и гномики, жили не тужили: отец, мать и сын никогда не забывали поделиться с ними и золотистым мёдом, и белоснежным творогом, и лепёшками. Даже в королевском дворце не жилось бы гномам лучше, чем в этой тихой, светлой, пахнущей смолой избушке.

Вот подрос Землян, и настало время в первый раз остричь ему золотые волосы. Стали собираться на праздник соседи – кто пешком, кто на телеге, кто верхом. Шумно во дворе у Пяста. Хлопочет хозяин, хлопочет хозяйка – всех надо угостить, всем угодить. Немало дел и у гномов.

И вдруг, когда солнце уже клонилось к закату, раздалось чудесное пение. Все подняли глаза к небу, казалось, песнь льётся оттуда. А гномы побледнели и задрожали, будто холодом дихнуло, хотя был тёплый майский день.

Бросив свои дела, замерли они на месте, объятые дрожью и лязгая зубами.

Тут на фоне алой зари показались два странника: они направлялись к хате Пяста и пели.

Сладкозвучное пение плыло над землёй, и казалось, будто соловьи защёлкали в саду, и росинки зазвенели колокольчиками на каждой былинке, на каждом цветочке, и липы на пасеке зашелестели листочками, и все злаки, все растения подали свой звонкий, серебристый голосок.

Пели странники о том, что грядут новые времена. Что старые боги – обитатели священных рощ – исчезнут, рассыплются в прах, и придёт единый властелин земли и неба.

Люди с просветлёнными лицами внимали их пению. А гномы, немного придя в себя, забились в чулан, в самый тёмный угол, и дрожали, съёжившись, как осенние листочки. Давным-давно ещё было им предсказано, что когда-нибудь услышат они чудесное пение и тогда покинут человеческое жильё и пойдут скитаться по свету.

Насыпала им Репиха мака, накрошила сладкого пирога, но гномы, хоть и проголодались, не вылезли из своего угла и к еде не притронулись. Один только старичок гном отважился, приоткрыл дверь чулана и выглянул в щёлочку. Но тут же глаза руками заслонил – такое от странников сияние исходило, такой свет, словно само ясное солнышко пожаловало в гости.

Много дней и ночей просидели они в чулане, в холоде и голоде, пока не померк этот дивный свет.

А когда наконец отважились выглянуть, чтобы приняться за свою обычную работу, то увидели Пяста в сверкающей короне и парчовой мантии, накинутой прямо на холщовую рубаху. Он отправлялся во дворец, где уже не гномы стали ему прислуживать, а рыцари да вельможи.

Репиха сделалась королевой, а Землян – королевичем. Кончилась крестьянская жизнь в избе, началась королевская – в замке.

Но гномы по-прежнему пряли пряжу, ходили за скотиной, работали в поле, на пасеке: не хотелось покидать полюбившийся им дом, где они столько лет прожили мирно и счастливо.

Королевский дворецкий, как прежде Репиха, оставлял им на лавке молока, мёду, но гномы не смели к ним притронуться, чувствуя, что проку от них теперь мало и работники они плохие: куда девалась прежняя сила и сноровка! Подбирали только крошки с пола и до того похудели, что на себя стали не похожи!

И с тех пор больше не называли их боженятами.

Чудесная песня, как эхо, прокатилась под землёй. И когда разгоралась вечерняя заря, воздух пел и звенел, словно это арфы серебряные играли.

Вот о чём шептал, шелестел вековой дуб, а притихший лес его слушал.

VI

Чудило-Мудрило замолчал. Дети сидели присмирив: в шуме леса чудился им голос старого дуба. Первым заговорил Юзек:

– А потом что стало с гномами?

Но учёный летописец не отвечал, погружившись в думы о старине. Пастушата стали дёргать его за плащ и кричать:

– Гномик, гномик, рассказывай! Что дальше было?

Чудило-Мудрило очнулся от задумчивости и стал опять рассказывать:

– Правда, не сразу гномы решились уйти. Некоторое время они ещё жили в деревнях с людьми. Но день ото дня становились всё печальней и слабее. Их теперь редко звали на помощь. Пока жив был Пяст, никто не смел их обижать. Ещё в царствование сына его, Земляна, у гномов был свой угол в каждой хате. Но при внуке Земляна, короле Мешко, настали для них трудные времена. Днём они даже на глаза боялись показаться людям и только в сумерки вылезали из своих убежищ – раздобыть какую-нибудь еду.

Крестьянки, уходя в поле, уже не сыпали им проса и не просили присмотреть за детьми. Осталась на долю гномов самая чёрная работа: на конюшне, в хлеву, в риге, а в доме разве что лучины нащепают, горшки перемоют да мусор в уголок заметут.

Но вот однажды – так записано в наших летописях – зазвонили повсюду колокола. Будто гром небесный загремел, и где он раздавался, гномы толпами высыпали из домов, из деревень и, горько плача, уходили в леса, в горы и пустоши – подальше от жилья, где звона колокольного не слышно.

С той поры разве только ночью случается видеть нас людям, а днём мы только детям показываемся, вот как я вам.

Больше всего гномов ушло в Карпаты. Там, в пещерах, мы стережём клады. В лесах тоже немало нашего брата. А зимовать в лесу холодно, вот мы и шьём себе красные плащи и колпачки. По ним нас сразу можно узнать. Мы и теперь хорошо относимся к людям и за крошку хлеба, за каплю молока всегда рады помочь доброму человеку. Но чуть подует осенний ветер, мы прячемся под землю.

Только сказал это Чудило-Мудрило, как со стороны леса послышались гомон, крики. Это бабы и ребятишки возвращались домой из похода. Но без успеха. Оказалось, у хитрой лисы несколько выходов из норы. Пока раскапывали тот, что на опушке, лиса через другую лазейку благополучно выбралась в поле и притаилась в терновнике. Женщины бранились, что зря потратили время, дети кликали собак, которые с громким лаем рыскали по опушке, отыскивая следы. Заслышав крик и лай, пастушата подняли головы, загляделись и позабыли про гнома.

А Чудило-Мудрило встал, натянул колпачок и, юркнув в борозду, исчез в прошлогоднем бурьяне. Так Зося и Кася, Стах, Юзек, Куба и Ясь никогда и не узнали, во сне им всё это привиделось или на самом деле у костра сидел гномик и рассказывал чудесную сказку.

VII

Между тем Чудило-Мудрило крадучись добрался до леса. Было ещё светло, но в чаще царил полумрак, и тропинка, по которой он шёл, еле виднелась – такую густую тень отбрасывали сосны и ели. Так шёл он, может, час, а может, больше: устал, проголодался. И вдруг, споткнувшись, свалился в глубокую яму.

А в яме этой жила лиса Сладкоежка, известная на всю округу похитительница кур. Та самая, на которую ходила облавой деревня. Лиса как раз сидела в норе и обгладывала жирную курицу. На полу повсюду были разбросаны перья.

Увидев непрошеного гостя, Сладкоежка тотчас прервала свою трапезу, проворно покопала лапкой, сбросила кости в ямку и присыпала землёй. А сама села и смотрит как ни в чём не бывало. Лису смех разобрал – уж очень неожиданно влетел Чудило-Мудрило в нору, да ещё перекувырнулся через голову. Но притворщица и виду не подала – скромнёхонько встала и сделала шаг навстречу гостю.

– Вы, должно быть, дверью ошиблись, милостивый государь? – пропела она сладеньким голоском.

– Да, вы правы, – ответил летописец. – Темновато, знаете, и я не заметил входа. К тому же у меня вообще ослабло зрение от непрерывной работы над большим историческим трудом.

– Ах! – захлёбываясь от восторга, воскликнула Сладкоежка. – Значит, я имею честь приветствовать учёного коллегу! Я тоже посвятила себя науке. Я пишу большое исследование о разведении в деревнях кур и голубей и даже предлагаю новый проект постройки курятников. Вот перья, которыми я пишу.

И она небрежным жестом указала на разбросанные по всей норе перья съеденной курицы.

Чудило-Мудрило остолбенел от удивления. Если он одним-единственным пером завоевал себе столь громкую известность среди своего народа, то как же должен быть знаменит тот, кто извёл целый пук таких превосходных золотистых перьев!

Сладкоежка подошла поближе и спросила:

– А у вас, любезный коллега, откуда такое замечательное перо и где обитает то милое создание, которому оно принадлежало? Я была бы счастлива с ним познакомиться.

– Это перо из крыла серой гусыни, которую вместе с другими гусями пасёт сиротка Марыся, – ответил Чудило-Мудрило.

– Вместе с другими гусями? – переспросила лиса, облизываясь. – И вы говорите, коллега, что пасёт их малолетняя сиротка? Бедняжка! Нелегко ей, наверное, управляться с целым стадом гусей! Ах, с какой радостью я помогла бы ей! С каким удовольствием присмотрела бы за стадом вместо бедной милой сиротки! Надо вам сказать, дорогой коллега, что у меня очень мягкое сердце. Мягче масла!

В подтверждение своих слов она приложила лапу к груди. Потом, подойдя вплотную к летописцу, обнюхала перо и, смахнув слезу, сказала:

– Не удивляйтесь, дорогой коллега, моему волнению. Я почувствовала в эту минуту, в чём моё призвание. Наставлять заблудших гусей на путь истинный – вот мой долг! Помогать сироткам пасти их – вот высшая цель моей жизни! – И, воздев передние лапы к небу, лиса воскликнула: – О, вы, невинные существа! О, вы, дорогие создания! Отныне вся моя жизнь принадлежит вам!

С этими словами она поспешила к выходу, а за ней по длинному тёмному коридору засеменял Чудило-Мудрило. Они прошли уже довольно много, когда лиса сказала:

– Не забудьте, любезный коллега, написать в вашей бесценной книге про сегодняшнюю встречу. Только, прошу вас, никаких похвал, никаких славословий по моему адресу! Напишите просто, что встретились с великим другом человечества Сладкоежкой – не забудьте, пожалуйста, моего имени, – с великим учёным, автором многих трудов – одним словом, с лисой во всех отношениях незаурядной и достойной доверия как пастушат, так и самих владельцев кур и уток. Вы понимаете, дорогой коллега, что врождённая скромность не позволяет мне хвалить себя. Поэтому я не буду распространяться о своих достоинствах и положусь на вашу проницательность.

Они обменялись рукопожатиями и двинулись дальше. В подземном туннеле становилось всё светлей и теплей: сюда уже проникали лучи румяного солнца. А когда они добрались до выхода из норы, прорытого под трухлявым пнём, лиса одним прыжком очутилась снаружи и, крикнув своему спутнику: «До свидания!» – исчезла в густых зарослях. От запаха сырого мха и молодой травки у нашего учёного закружилась голова. Он присел на прошлогоднюю шишку – отдохнуть перед дальней дорогой, – счастливый, что ему довелось познакомиться с таким добродетельным зверем.

VIII

Сидит Чудило-Мудрило на шишке, глядь – крестьянин идёт. В полушубке, в лаптях, в высокой барашковой шапке, на плече топор и котомка холщовая – заправский дровосек! Идёт, насвистывает, по сторонам поглядывает – видно, весело ему. Чудило-Мудрило и подумал: «Дай спрошу у него, когда весна придёт». Но, вспомнив про свою учёность, надулся как индюк и сказал себе: «Негоже мне, учёному, у простого мужика уму-разуму учиться».

А дровосек как раз мимо шёл. Глянул случайно под ноги, видит – к шишке что-то круглое, как шарик, прилепилось. Он подумал, что это «волчий табак», наподдал ногой и пошёл дальше. Хотя лапоть дровосека только слегка задел его, Чудило-Мудрило вместе с шишкой кубарем отлетел в сторону. Хорошо ещё, что чернильница не разбилась и пробка не выскочила.

Скатившись в ямку, учёный летописец сел, ощупал бока и, убедившись, что все рёбра целы, плюнул с презрительной гримасой:

– Тьфу! Мужик! А я ещё хотел с этим невежей в разговоры пуститься!

Только этого не хватало! Вот бы отличился! Нет, надо умнее за дело браться. В раздумье стал он потирать свой длинный нос. Наконец хлопнул себя по лбу и воскликнул:

– Как же я узнаю, когда придёт весна, если не измерю сначала, много ли ей ещё идти до нас!

И он стал озираться: из чего сделать глобус, чтобы измерить по нему путь весны? Глядь – ёж спешит по тропинке. Мордочку выставил, иглы оцетинил – яблоко тащит. Обрадовался Чудило-Мудрило и, вежливо поздоровавшись, попросил у ежа яблоко. А у того совесть была нечиста: он это яблоко ночью украл у одной крестьянки и теперь нёс в нору. «Это ещё что за человек?» – подумал ёжик, испугался и пустился наутёк, потом свернулся в клубок и, как мячик, скатился с пригорка.

– Стой! Стой! погоди! – кричал ему Чудило-Мудрило. – Я только путь весны измерю по твоему яблоку и сейчас же отдам обратно.

Но ёж исчез в сумраке леса.

– Вот глупый ёж! – пробормотал учёный. – Удрал с таким чудесным глобусом! Делать нечего, придётся поискать что-нибудь другое.

И он отправился дальше, перепрыгивая через камни и рытвины. Скоро посчастливилось ему найти кусочек глины. Он сделал из неё шар, вкатил на кочку и еловой иголкой нацарапал на нём материки, моря, горы, реки. Изобразив все части света, нацепил большие очки и стал искать дорогу, по которой придёт весна.

Тем временем в низинах за клубился туман. Белой пеленой заволакивал он овраги, а луга, поля и дубравы всё ещё стояли в золотом сиянии солнца. И тогда на юге появилась юная красавица с простёртыми над землёй руками. Она шла босая, и, где ступала её нога, расцветали фиалки и маргаритки; шла безмолвная, но навстречу ей с радостным щебетанием вспархивали птицы; шла с тёмным, как свежая пашня, лицом, но позади всё загоралось яркой радугой; шла, опустив глаза, но из-под её ресниц лилось сияние. Это была Весна.

Она прошла так близко от гнома, что задела его своей белой фатой, овеяла тёплым ветерком и ароматом фиалок из венка, украшавшего её белокурую голову. Но учёный летописец был так поглощён вычислениями, что даже не заметил её. Потянул только своим длинным носом, вдохнул тонкий, нежный аромат и, склонившись над толстенной книгой, продолжал старательно записывать в неё результаты своих расчётов.

А по расчётам его выходило, что весна совсем не придёт. Она заблудилась, осталась за морем и не найдёт сюда дороги. Выходило, что жаворонки и соловьи потеряют голос и никогда больше не запоют – единственной песней на земле будет отныне карканье ворон; что ветер сметёт все семена в бездонную пропасть и больше не зацветут ни роза, ни лилия, ни яблонька. Заря погаснет, солнце почернеет, дни превратятся в ночи, а луга и поля покроются не хлебами, не травой, а вечными снегами.

Окутавшись дымом своей огромной трубки и пыжась от гордости – вот, мол, какой я мудрец и пророк, – Чудило-Мудрило как раз записывал это в книгу, когда прилетели три громадных золотисто-чёрных косматых шмеля и ну виться над его блестящей лысиной! Громко, басовито жужжа, они сделали над ней один круг, другой, третий, но учёный летописец, углубившись в работу, ничего не слышал. И вдруг (он как раз поставил точку в конце своего пророчества) – бац! – что-то стукнуло его по лысине. Ещё раз, ещё и ещё.

Чудило-Мудрило закричал не своим голосом, подумав, что настал конец света. Выронил трубку изо рта, бросил перо и отскочил в сторону, опрокинув на свою бесценную книгу огромную чернильницу.

Чёрные потоки хлынули на только что исписанные страницы. Увидев это, Чудило-Мудрило остолбенел. Погибли все его предсказания и расчёты! Чернильная река залила книгу. Что теперь делать? Как явиться к королю?.. Так хорошо, так складно высчитал – и всё насмарку!

Несчастный летописец ломал руки. От горя у него последний разум отшибло. Теперь уж он совсем запутался: пришла весна или нет?.. Наступил полдень, наступил вечер, а он всё стоял да стоял на том же месте.

На небе, румяном от зари, загорелись первые звёзды; над полями и лугами разлился аромат цветов. Юная красавица дошла уже до опушки леса, и под её босой ногой расцвёл первый ландыш.

Глава вторая В поход отправляется Хвощ

I

Между тем съестные припасы в Хрустальном Гроуте подошли к концу, и гномам стали выдавать в день всего по три горошины на брата. Тут, конечно, пошли обиды, ссоры, даже потасовки, как всегда бывает, когда дойдут холод да голод. Что ни день, то скандал.

То Сморчок с Букашкой сцепятся, то Петрушка с Кузовком, то Соломенное Чучелко с Волчьим Табаком, а то все вместе свалку устроят, пока не выскочат Хватай с Запираем и не засадят всю компанию в кутузку. Но больше всех шумел, проклиная свою судьбу, Хвощ. Ел он за четверых, но всё время ныл, что голоден.

С этим Хвощом приключилась однажды удивительная история. Дело в том, что гномы не всегда под землёй прячутся. Они не прочь и в деревне пожить, за печкой или под полом. И если нерадивая хозяйка горшка не накрыла, сора из избы не вымела, пряжу бросила где попало, творога не откинула вовремя, помоев не вынесла, цыплят не пересчитала, проказники гномы тут как тут: в борщ мух набросают, сор из углов по всему полу расшвыряют, творог съедят, нити на мотовиле перепутают, кур из курятника выпустят, вёдра опрокинут, набедокурят, накуролесят – и шмыг за печку!

А бывает и так. Оставит баба ребёночка в колыбели, а сама побежит к соседке лясы точить. Тут уж гномы не зевают – сейчас ребёночка своим подменят, к себе утащат, вырастят и заставят на себя работать. Гном-подкидыш не растёт, только голова у него пухнет да тяжелеет; зато прожорлив он – никак не накормишь досыта!

У одной крестьянки был сыночек Ясек, прехорошенький мальчик. Волосы, как лён, глазки – василёчки, губки – малинка. Здоровенький, весёлый, резвится, как рыбка в воде. А уж заплачет – значит, неспроста. И хоть жил-то на свете всего полгода, а уже улыбался матери, тянулся к ней ручонками и щебетал, как птичка.

Но матери не сиделось дома, она то и дело к соседкам бегала – язык почесать. Тут постоит, там посидит и до того заболтается, что про всё забудет: и про горшки немытые, и про бельё нестиранное – про всё на свете, даже про Ясека своего.

Вот однажды прокрались к ней гномы в избу, смотрят – дверь настежь, хозяйки нет, в углах поросята роются, а в колыбельке ребёночек плачет. Недолго думая схватили они ребёнка и утащили к себе, а в колыбель Хвоща подложили, начисто сбрив ему бороду.

Воротилась мать – глазам своим не верит: что это с ребёнком? Голова дынькой, личико в морщинах, пучеглазый, ножки коротенькие, как у утёнка. Испугалась баба.

– Тьфу! Сгинь, пропади, нечистая сила! – говорит, а сама глаза протирает, думает, может, привиделось.

А ребёночек ну орать:

– Есть хочу!

– Ясек! Ясечек! – уговаривает мать.

А он поглядывает на неё исподлобья и знай верещит:

– Есть хочу! Есть хочу!

Накормила она его, укачала – авось теперь заснёт. Но не тут-то было! Только отошла от колыбели – он опять в крик:

– Есть хочу! Есть хочу!

И так раз десять до вечера. Мать ума не приложит: что за напасть, почему Ясек таким обжорой стал? Сунула ему в одну руку кусок хлеба, в другую – морковь, уснул. На другой день спозаранку опять за своё:

– Есть хочу! Есть хочу!

«Волк тебя сглазил, что ли? Никак не наешься!» – думает мать. Кормит подкидыша, а сама удивляется: что с Ясеком? Бывало, меньше воробышка съест, а теперь никак не накормишь. Ни на шаг от колыбели не отойти – стой да пихай ему в рот. А он чавкает, как старикашка, лягушачьи глаза выпучил, на себя не похож – словно подменили.

Прошёл день, другой, прошла неделя. Стала крестьянка примечать: оставит что-нибудь в горшках, а сама из дому отлучится – кто-то всё подчистую съедает: и горох, и клёцки.

– Вот чудеса! – охает она, теряясь в догадках.

Сначала на кота подумала. Отлупила его, заперла в чулан и ушла. Воротилась домой – горшки пустые, сковорода вылизана, заправки как не бывало. Отперла чулан – кот сидит, как сидел, только мяучит жалобно и бока ввалились от голода. Ну, если не кот, значит, Жучка!

Жучкой чёрную собачонку звали, которая хату сторожила. Схватила хозяйка палку – и ну её отделявать. Лупит и приговаривает:

– Вот тебе! Вот тебе! Получай!

Собачонка визжит от обиды, от боли, скулит, извивается, а деться некуда – сени заперты. Наконец умаялась хозяйка и отшвырнула палку в сторону. Бедняга Жучка, поджав хвост, с жалобным визгом уползла в хлев и там до самого вечера бока зализывала. На следующий день крестьянка заперла кота и Жучку в чулан, поставила горшки в печь и пошла к соседке.

Посидела, поболтала, вернулась – а дома суший ад! Кот с собакой в чулане дерутся – только шерсть клочьями летит; печь открыта, горшки пустые, сковорода блестит, будто её вымыли, а младенец в колыбели орёт, надрывается. Схватилась крестьянка за голову. Но потом взяла её злость, сжала она кулаки и говорит:

– Погоди ж ты, вор проклятый! Я не я буду, коли тебя не подстерегу!

И подошла с этими мыслями к подкидышу, который орал благим матом. Кормит бедная мать ребёнка, а у самой слёзы градом катятся: не узнать Ясека! Раньше, бывало, сядет с ним на порог, и, кто ни пройдёт, все на него любуются: другого такого мальчика во всей деревне не сыскать! А теперь с таким страшилищем и людям на глаза показаться стыдно.

Не улыбается, не лепечет, ручонками к материнским бусам не тянется, лежит одутловатый, морщинистый, лысый, точно старикашка. И расти не растёт, одна голова наливается, большущая, тяжёлая, как дыня.

Одно слово – урод!

Уж чего-чего она ни делала, чтобы порчу отвадить: и три уголька раскалённых, три крошки хлебные в воду бросала; и в бузинном отваре его купала – верное средство от дурного глаза; и барашками с вербы окуривала, и щепой трухлявой ивы, что на распутье растёт, – ничего не помогло. А тут ещё и в хозяйстве убыток! Еды на двух мужиков наварит, а домой вернётся – есть нечего.

– С ребёночка что взять, – говорила несчастная женщина. – Но уж вору этому я не спущу! Ни за что не спущу!

II

На другой день наварила она горшок капусты и горшок гороха, нажарила целую сковороду свиных шкварок, поставила в печь, закрыла её, покормила ребёнка, взяла с собой кота и Жучку и ушла. Но ушла недалеко – схоронилась за углом и поглядывает в окошко.

Видит – приподнялся ребёночек, сел в колыбели, озирается по сторонам: нет ли кого в избе? Потом выкарабкался из колыбели – и шась к печке! Подошёл, открыл заслонку, потянул носом, жмурясь от удовольствия – очень уж вкусно шкварками запахло, – и стал искать ложку. А ложки были высоко, на полочке, никак не достать. Вот он влез на сундук, взял ложку побольше, выдвинул из печи горшок с капустой, шкварками заправил, добавил гороху и давай уплетать за обе щеки.

Тут крестьянка струхнула не на шутку, руками всплеснула и побежала за соседкой. Воротились обе, видят – в горшках уже на доньшке осталось, а он всё сопит да уплетает. Съел капусту, съел горох, поскрёб ложкой по дну, наклонил сковородку, вылизал, задвинул горшки в печь и стал, как хозяин, по избе расхаживать, во все уголки заглядывать. Крестьянка даже зубами закрипела. А он себе похаживает, глазами шарит. Нашёл яйцо под кошёлкой, смотрит, как на невидаль, головой огромной качает.

– Семьдесят семь лет живу на свете, – бормочет, – а бочки без обручей не видывал!
Тут соседка сразу смекнула, что это гном.

– Что ж, – говорит, – сорви ветку берёзовую да угости его хорошенько и на помойку выкинь. Как начнёт он там голосить, принесут тебе гномы Ясека, а этого уroda назад заберут.

Крестьянке этот совет по душе пришёлся. Кинулась она в березняк, сломила ветку, прибежала домой, схватила подкидыша за шиворот и давай стегать.

– Вот тебе, получай: за мои харчи, за Ясека, за обиду мою!

Тот орёт – за версту слышно, а баба знай лупит его без устали. Через хату от неё жила вдова Кукулина с маленькой дочкой Марысей. На ту пору шла она как раз с дочкой на руках господское поле полоть. Услыхала, что у соседки вопит кто-то не своим голосом, остановилась и думает: «Не иначе, бьют кого-то. Надо идти выручать». Тут и дочка её, которая ещё говорить не умела, заплакала жалобно: поняла, видно, что кого-то обижают.

Глянула Кукулина на дорогу, глянула на солнышко – а оно уже высоко поднялось. Женщина она была работящая, жалко ей было время терять, но ведь сердце не камень. И она завернула к соседке, но дверь оказалась заперта.

– Соседка! – крикнула она. – Кто это у вас так кричит?

А мать Ясека в ответ:

– Не твоё дело! Ступай своей дорогой!

Но Кукулина не сдавалась.

– Соседка, – говорит, – никак вы своего сыночка бьёте? Пожалейте его, ведь он ещё совсем маленький!

– Такой же он мне сыночек, этот оборотень, как злой ветер, что по полю гуляет.

– Сын он вам или нет, всё равно не бейте! Сердце надрывается от этого крика!

Тут и Марыся заплакала в три ручья. Обозлилась крестьянка и крикнула:

– Ишь добрая какая! Нашлась заступница! Проваливай, откуда пришла, да не суй нос не в своё дело, а то как бы тебе самой не попало!

Не очень приятно было вдове выслушать такую отповедь, но в хате стало тише, и она подумала: «Ладно, лишь бы угомонила баба. Мало ли чего в сердцах не наговорит человек, нельзя на него за это обижаться». И пошла своей дорогой. А гномы тоже услышали крики Хвоща.

– Плохо дело! – говорят. – Надо на выручку идти.

И пошли в избе чудеса. Вылезли из подпечья карлики в жёлтых и зелёных плащах; у каждого красный колпачок в руке, все низко кланяются бабе и просят отпустить дружка, а взамен обещают полный фартук талеров насыпать. Растаяла крестьянка, как про талеры услышала, но соседка ей на ухо шепчет:

– Не отпускай его, кума, а то без Ясека останешься. Талеры-то их – просто светящиеся гнилушки!

Как напустится на гномов крестьянка:

– Вон отсюда! Не нужны мне ваши талеры! Ясека моего отдайте! Убирайтесь, покуда целы, не то вам несдобровать!

Повесили гномы носы – и шмыг под печь! А хозяйка схватила Хвоща за шиворот и выкинула на помойку. Заорал Хвощ, как котёнок, но больше от страха, чем от боли, потому что не знал, что теперь с ним будет.

Вдова оглянулась, видит – лежит бедняга на помойке и плачет. Не раздумывая, она вернулась, утёрла ему слезы, приласкала, кусочек хлеба в руку сунула, потом сорвала пучок травы, подстелила, чтобы лежать было чисто и сухо. А так как солнышко уже припекало, сорвала большой лопух в канаве и заслонила его, как зонтиком.

Гном с благодарностью посмотрел на вдову и улыбнулся Марысе, и она даже в ладошки захлопала от радости, глядя, как он на траве под лопухом лежит. «Дай срок, отплачу добром», – сказал про себя Хвощ, когда вдова с девочкой на руках отошла от него.

Кукулина и с собой бы его взяла, да не посмела. Ведь у него своя мать есть, а родная мать хоть и выбранит и розгой отстегает, но потом всё равно приласкает, приголубит. Так рассуждала вдова, не зная, что гномы обманули крестьянку и это вовсе не её ребенок. Под вечер вышла баба посмотреть, что с гномом, а его и след простыл. Зато у порога лежит её Ясек: волосы как лён, глаза – василёчки, губы – малинка.

Это гномы принесли его матери, а Хвоща забрали. То-то было радости и веселья! Поджарила крестьянка яичницу чуть ли не из дюжины яиц, пышки испекла и соседку пригласила – не знала, как её и благодарить.

...Прошли годы.

Вырос Ясек крепким парнем, но людей дичился. Любил бродить один по горам, по лесам и всё рассказывал, какие чудеса, какие сокровища видел под землёй у гномов. Но в деревне ему не верили и считали дурачком.

А Хвощ, попав к своим, быстро поправился. Гномы знают много разных целебных зелий и чудодейственных мазей. Как принялись припарки ему делать, окуривать, растирать волчьими ягодами, комариным салом, паучьей желчью – мигом на ноги поставили.

Король Светлячок любил своего прожорливого подданного и благоволил к нему. Хвощ тоже очень любил короля и часто сживал у его ног, наигрывая на свирели песенки, от которых словно теплей становилось в Хрустальном Гроте. Но как только дело доходило до еды, Хвощ забывал обо всём на свете. Он первым мчался к миске, отталкивая всех. А если кто сопротивлялся, лез в драку.

Вот и теперь, когда в Гроте стало не хватать еды, Хвощ даже поколотил королевского дворецкого за то, что тот выдал ему, как и всем, только три горошины на день. И мало того, что избил, – ещё к королю отправился с жалобой, что его обижают.

Но король за него не вступился, а сказал, что закон один для всех. Тут Хвощ ещё пуще разбушевался.

– Ах, так! – сказал он. – Коли здесь правды не добьёшься, пойду на землю. Там в любой хате накормят лучше, чем за королевским столом!

– Иди, иди, обжора, – засмеялись гномы. – Одним ртом меньше будет. Всё легче по нынешним временам.

Они думали, что он шутит.

– Вот увидите, уйду! – не унимался Хвощ.

Гномы опять смеяться:

– О весне нам весточку принеси, коли ты такой удалец!

– И принесу! – буркнул Хвощ.

Подпоясался ремешком, свирель за пазуху сунул, поклонился королю, набил трубку и пошёл.

III

Смеркалось, когда Хвощ выбрался на поверхность земли. Сопя и отдуваясь, огляделся он по сторонам. Слева было пустынно и дико. Чернел бор, на соснах каркали вороны, в ложбинах белел нестаявший снег. Мокрая хвоя коричневым ковром устилала землю. От глухо шумевших деревьев, стоявших тёмной стеной, тянуло промозглой сыростью и холодом.

– Брр! Зима! – пробормотал Хвощ и посмотрел направо.

Там раскинулась весёлая долина, где, звеня, сбегали к речке ручейки и пробивалась молодая травка. Над долиной угасала заря. Хлопнул себя Хвощ по лбу и воскликнул:

– Весна!

Но тут из леса повеяло холодом. Опечалился Хвощ и говорит:

– Поди разберись тут, весна или зима! Налево – одно, направо – другое!

Вдруг послышался шум крыльев. «Ага! – подумал Хвощ. – Сейчас всё узнаю. Это ворона или голубь? Ворона – значит, зима; голубь – весна». Только подумал – перед ним летучая мышь промелькнула.

– Поди разберись тут! – буркнул Хвощ и стал вертеть головой в разные стороны.

Смотрит направо, смотрит налево, но ничего сообразить не может. Глянул на равнину, а там всё бело, будто серебром заткано.

– Ага! – крикнул Хвощ. – Теперь-то я узнаю! Это или снег, или роса! Снег – значит, зима; роса – значит, весна.

Стоит таращится. Вгляделся получше, а это, оказывается, не снег и не роса, а туман.

– Поди разберись! – пробурчал он себе под нос и снова стал вертеть головой с озабоченным видом.

Посмотрел в сторону леса, а там в кустах что-то светится.

– Ага! – крикнул Хвощ. – Теперь знаю! Это или светлячок, или гнилушка. Гнилушка – значит, зима; светлячок – весна.

И побежал на огонёк. Прибежал, глядь – волчьи глаза горят. Рассердился Хвощ не на шутку и говорит:

– Ты мне светишь, ну так и я тебе посвечу!

Высек огня, раскурил трубку, выпустил большой клуб дыма, отвернулся и забыл о волке. Но вскоре ему страшно захотелось есть. Стал он озираться – чем бы подкрепиться? Видит – лежит что-то круглое во мху. Хвощ подумал, яйцо. А то был глобус, по которому учёный летописец измерял путь весны. «Чудное какое-то яйцо! – удивился Хвощ. – Кроты его, что ли, так исцарапали?» Разбил – глина! Ну, это уж слишком! От злости и огорчения Хвощ растянулся на мху, подложил руки под голову и заснул. До утра было ещё далеко, и рассвет едва посеребрил небо, когда Хвощ услышал сильный шум над головой.

Проснувшись, он сел, протёр глаза, смотрит – аисты из-за моря синего летят. Серебряные в свете зари, летели они на свои старые гнёзда, широко раскинув крылья и точно повиснув в неподвижном воздухе. «Вот повезло! – подумал Хвоц. – Лучше верхом, чем пешком!»

И вдруг аисты замедлили свой стремительный полёт и снизились над кочкой. Недолго думая Хвоц вскочил на ближайшего аиста, обхватил его за шею, сжал пятками бока, пригнулся к спине, как заправский наездник, и понёсся вместе со стаей.

Пролетели они долину, речку, розовую в свете зари, и тут Хвоц стал как будто что-то припоминать. Выгон, пруд, межевой камень, груши при дороге, овины, хлева, домики, далеко протянувшиеся двумя рядами, – всё это было ему знакомо.

Вдруг его охватил страх. Смотрит и глазам не верит. Хата на отшибе, вокруг берёзы, за хатой – мусорная куча, разрытая курами, у порога – новая метла. Хвоц протёр глаза, сплюнул – не помогает! Хата, берёзы, куча, метла как были, так и остались на месте. У Хвоца мурашки по спине побежали. Так и есть! Та самая хата, где он лежал в колыбели, а вон и помойка, куда его вышвырнули чуть живого.

– Тпру!.. – закричал Хвоц на аиста, словно на лошадь.

Но аист, увидев своё старое гнездо на крыше, радостно взмахнул крыльями и, оставив далеко позади товарищей, устремился прямо к хате. Скорчился бедный Хвоц, сжался в комочек и плотнее прильнул к его шее. «Нелёгкая меня сюда принесла!» – думал он, поёживаясь при воспоминании о крестьянке.

Он уже стал прикидывать, не лучше ли прыгнуть вниз, чем подвергать себя ужасной опасности. Но прыгнуть с такой высоты значило сломать себе шею, и он раздумал.

Аист, спускаясь всё ниже, описал широкий круг над почерневшей, замшелой крышей, потом второй, поменьше, и наконец, сделав только полукруг, с громким криком упал прямо в старое гнездо и от радости забил крыльями в тихом голубом воздухе.

Выглянул Хвоц из-за его длинной шеи – всё по-старому: в хлеву телёнок мычит, рябая курица кудахчет, на плетне сохнет перевернутая кринка, а за углом Жучка спит. Дверь хаты скрипнула.

«Хозяйка!» – подумал Хвоц, и мороз подрал его по спине.

– Аист! Аистёнушка! В добрый час!..

Узнав голос, Хвоц мигом спрятался за шею аиста, но поздно – она уже увидела его.

– Что за чертовщина? – вытаращилась баба.

И вдруг как всплеснёт руками, как завопит:

– Спасите, люди добрые! Опять эта злая нечисть! Колдовство, да и только! – И в сердцах (женщина она была вспыльчивая) пригрозила: – погоди ж ты у меня, урод! Сейчас я тебя кочергой достану!

И со всех ног кинулась в хату, а Хвощ – прыг с аиста в гнездо. Зарылся в солому, съёжился, сидит и через щёлку сбоку поглядывает, что дальше будет. Минуты не прошло – крестьянка уже бежит с кочергой обратно. Глянула на крышу, а там никого нет. Только аист стоит на колесе, расставив красные ноги.

– Куда же он девался? – ахнула крестьянка. – Или померещилось мне?

Но тут у Хвоща в носу защекотало и, не в силах сдержаться, он чихнул – громко, как из пушки выпалил.

– Ага, попался! – крикнула баба и ну ширять кочергой.

Но кочерга была короткая и не доставала.

– погоди, оборотень! Сейчас лестницу притащу!

«Плохо дело!» – подумал Хвощ и стал озираться по сторонам, ища спасения. На лбу у него выступил холодный пот. Глянул вниз – крестьянка саженную лестницу тащит. По такой не то что на крышу – и на колокольню влезть можно. У Хвоща душа ушла в пятки, а баба уже лестницу приставила, с кочергой лезет. Выскочил бедняга из гнезда – и на трубу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.